

Глава 1

Весенним вечером, когда часы показывали четыре, Роберт Блэр подумывал о том, чтобы пойти домой.

Разумеется, раньше пяти офис не закроется. Но когда ты единственный Блэр в конторе «Блэр, Хэйуорд и Беннет», домой можно идти, когда пожелаешь. А если по большей части занимаешься завещаниями, составлением нотариальных актов о передаче имущества и инвестициями, во второй половине дня спрос на твои услуги невелик. А если живешь в Милфорде, где последняя почта приходит в три сорок пять, рабочий день заканчивается задолго до четырех.

Телефонных звонков тоже не ожидалось. Товарищи по игре в гольф сейчас где-то между четырнадцатой и шестнадцатой лунками. На ужин никто не пригласит, поскольку в Милфорде подобные приглашения до сих пор пишутся от руки и отправляются по почте. И тетушка Лин не станет звонить и просить по пути домой купить рыбу, поскольку раз в две недели она ходит в кино, а фильм уже минут двадцать как начался.

Итак, Роберт сидел в кабинете, пропитанном ленивой атмосферой весеннего вечера в маленьком торговом городке, и, уставившись на последнюю лужицу солнечного света на столе (из красного дерева, с латунными вставками, который дедушка привез из Парижа, ошеломив тем самым все семейство), думал о том, что пора идти домой. Солнце освещало чайный поднос; в конторе «Блэр, Хэйуорд и Беннет» не было принято подавать чай в обычной кружке на лакированном жестяном подносе с росписью. Каждый рабочий день ровно без десяти четыре мисс Тафф приносила в кабинет поднос, покрытый красивой белой салфеткой, на которой размещались фарфоровая, с синим узором чашечка чая и в тон ей тарелка с двумя печеньями: по понедельникам, средам и пятницам это были крекеры, по вторникам, четвергам и субботам — диетические.

Праздно разглядывая поднос, он задумался о том, что тот символизирует преемственность поколений в «Блэр, Хэйуорд и Беннет». Сервиз он помнил с малолетства. Когда он был совсем маленьким, кухарка у них дома носила на этом подносе хлеб из булочной, а потом молодая мать забрала его и принесла в контору, чтобы на нем подавали чашки с синим узором. Салфетка появилась много лет спустя одновременно с мисс Тафф. Мисс Тафф была продуктом военного времени — первой женщиной, занявшей место секретаря в престижной адвокатской конторе Милфорда. Появление незамужней, серьезной, сухопарой мисс Тафф произвело революцию, которую фирма пережила практически без потрясений, и теперь, почти четверть века спу-

стя, невозможно было представить себе, что худощавая, седовласая, исполненная достоинства мисс Тафф когда-то была сенсацией. По правде говоря, с момента ее появления единственным изменением в заведенном с незапамятных времен порядке стала салфетка на чайном подносе. В доме мисс Тафф на голый поднос никогда ничего не ставили; если подумать, то и ломтик кекса нельзя положить прямоком на тарелку — обязательно нужно подстелить салфетку или ткань. Потому мисс Тафф с подозрением глядела на неприкрытый поднос. Более того, узор показался ей отвлекающим, отбивающим аппетит и «странным». Однажды она принесла из дома салфетку: простой, непритязательный кусок белой ткани, с какого и положено есть. А отец Роберта, которому нравился лаковый поднос, посмотрел на чистую белую ткань и был тронут тем, как молодая мисс Тафф отождествляет себя с интересами фирмы. Салфетка прижилась и теперь ощущалась столь же неотъемлемой частью жизни фирмы, как и ящики с документами, и медная табличка, и ежегодная простуда мистера Хезелтайна.

Глядя на синюю тарелку, на которой подали печенье, Роберт вновь испытал странное ощущение в груди. Конкретно с этим диетическим печеньем оно никак связано не было; по крайней мере, физически. Оно имело отношение к неизбежности печенья, к спокойной уверенности в том, что в четверг будет диетическое, а в понедельник — крекер. Еще в прошлом году рутина ему ничем не мешала. Иной жизни, кроме тихого, спокойного существования в родном городе, он никогда не желал. Ему

и сейчас не хотелось ничего другого, но в последнее время в голове у него то и дело появлялась чужеродная мысль, неуместная и непрощеная. Если облечь ее в слова, выходило что-то вроде: «Это все, чего ты когда-либо достигнешь». И от этой мысли в груди на мгновение возникал спазм. Как будто накатывала паника. Похожим образом в возрасте десяти лет у него сжималось сердце при воспоминании о предстоящем визите к дантисту.

Роберта это раздражало и озадачивало. Он считал себя счастливым и удачливым человеком, к тому же взрослым. С чего бы этой чуждой мысли атаковать его и вызывать досаду, от которой сдавливало ребра? Чего ему не хватало в жизни?

Жены?

Он мог бы жениться, если б захотел; по крайней мере, так ему казалось. Вокруг было много незамужних дам, и никто из них не выказывал к нему неприязни.

Заботливой матери?

Никакая мать не могла бы заботиться о нем с большей самоотверженностью, чем тетя Лин, добрая, милая тетя Лин.

Богатства?

Разве он когда-либо желал того, что было ему не по средствам? Если это не богатство, то он вообще не знает, что такое богатство.

Приключений?

Но он никогда их не жаждал. Ему вполне хватало тех, что предоставляла охота или ничья на шестнадцатой лунке.

Тогда чего?

Откуда эти мысли: «Это все, чего ты достигнешь»?

Возможно, думал он, глядя на синюю тарелку, где раньше было печенье, все дело в том, что детские ожидания чудесного завтрашнего дня подсознательно продолжали жить в душе мужчины до тех пор, пока их еще можно было реализовать, и лишь после сорока, когда надежды на воплощение оставалось мало, они приобретали форму сознательных мыслей, будто утраченный фрагмент детства, требующий внимания.

Разумеется, он, Роберт Блэр, искренне надеялся, что до конца его жизни ничего не изменится. Он со школьной скамьи знал, что поступит на службу в контору и однажды унаследует дело отца. С добросердечной жалостью взирал он на мальчиков, у которых не было подготовленного для них заранее места в жизни, не было Милфорда, полного друзей и воспоминаний, и английской преемственности, обеспеченной фирмой «Блэр, Хэйуорд и Беннет».

Ныне в фирме отсутствовал Хэйуорд; это продолжалось с тысяча восемьсот сорок третьего года, однако заднюю комнату в конторе занимал юный отпрыск рода Беннетов. Именно «занимал» — вряд ли он там работал. Более всего Невил увлекался сочинительством стихов, настолько оригинальных, что понять их способен был лишь он сам. Роберт считал стихи предосудительными, но поощрял безделье, ибо не мог забыть, что, когда сам занимал ту комнату, целыми днями упражнялся с клюшкой для гольфа, забрасывая мяч в кожаное кресло.

Солнечные лучи соскользнули с краешка подноса, и Роберт решил, что пора уходить. Если

выйти сейчас, он успеет пройтись по Хай-стрит до того, как восточный тротуар скроется в тени. Прогулки по Хай-стрит в Милфорде все еще доставляли ему явное удовольствие. Не сказать, что Милфорд как-то особенно красив. Подобные городки к югу от Трента исчислялись сотнями. Но он был олицетворением качества английской жизни последних трехсот лет. Начинаясь у старого, времен конца правления Карла Второго, построенного вровень с тротуаром доходного дома, где разместилась контора «Блэр, Хэйуорд и Беннет», Хай-стрит плавно уходила на юг. Минуя кирпичные постройки георгианской эпохи, деревянные и оштукатуренные елизаветинские здания, каменные викторианские и украшенные лепниной дома эпохи Регентства, она заканчивалась у скрытых вязами эдвардианских вилл. То тут, то там среди оттенков розового, белого и коричневого возникал фасад из черного стекла, выделявшийся подобно разодетому выскочке на вечеринке; впрочем, его оправдывал хороший вкус других зданий. Даже многочисленные деловые предприятия милосердно обошлись с Милфордом. Конечно, в южном конце улицы заманчиво блистал золотым и красным американский торговый дом, ежедневно оскорбляя своим видом мисс Трулав, хозяйку чайной, разместившейся в доме елизаветинской эпохи и поддерживаемой при помощи выпечки сестры мисс Трулав и имени Анны Болейн. Но Вестминстерский банк, проявив скромность, не виданную со времен ростовщиков, приспособил Уиверс-холл под свои нужды без капли мрамора, а «Соулз», оптовая фирма по продаже

лекарств, заняв старую резиденцию Уиздомов, не внесла ни малейших изменений в ее вытянутый, чу-даковатый фасад.

Это была симпатичная, веселая, суетливая улица, где прямо из мощеных тротуаров росли подстриженные липы, и Роберт Блэр ее очень любил.

Только он собрался встать, как зазвонил телефон. В других местах принято, чтобы телефоны звонили в приемной, где к ним подойдет помощница, спросит, что вам угодно, и скажет, что если вы будете так добры подождать секундочку, она вас «соооооединит». После этого вас свяжут с тем, с кем вы желаете поговорить. Но только не в Милфорде. Ничего подобного в Милфорде не потерпят. Если вы звоните по телефону Джону Смигу, то рассчитываете, что трубку возьмет лично Джон Смит. Поэтому тем весенним вечером в конторе «Блэр, Хэй-урд и Беннет» телефон зазвонил именно в кабинете Роберта на столе из красного дерева с латунными вставками.

Потом Роберт часто задавался вопросом, что случилось бы, раздайся звонок на минуту позже. За одну минуту, за шестьдесят ничтожных секунд, он успел бы снять пальто с колышка в коридоре, сунуть голову в кабинет напротив, чтобы сообщить мистеру Хезелтайну, что уходит, выйти под бледные лучи солнца и направиться вниз по улице. На звонок ответил бы мистер Хезелтайн и передал бы женщине, что Роберт ушел. Она бы повесила трубку и попробовала бы связаться с кем-нибудь другим. Дальнейшее представляло бы для него чисто теоретический интерес.

Но телефон прозвонил аккурат в это время. Роберт протянул руку и взял трубку.

— Это мистер Блэр? — раздался низковатый женский голос, который в любое другое время звучал бы уверенно, но сейчас его владелица то ли задыхалась, то ли очень спешила. — Ах, как я рада, что застала вас. Боялась, что вы уже ушли. Мистер Блэр, вы меня не знаете. Моя фамилия Шарп. Марион Шарп. Я живу с матерью в доме под названием «Франчайз» на Ларборо-роуд.

— Да, мне это известно, — сказал Блэр.

Он знал Марион Шарп в лицо, как знал всех в Милфорде и его окрестностях. Высокая, худошавая, темноволосая женщина лет сорока, склонная носить яркие шелковые платки, подчеркивавшие ее цыганскую смуглость. По утрам она ездила за покупками на побитом старом автомобиле, на заднем сиденье которого восседала ее седовласая мать, прямая, хрупкая, несколько нелепая и как будто выражавшая какой-то молчаливый протест. В профиль старая миссис Шарп напоминала мать Уистлера, но когда поворачивалась и демонстрировала яркие, светлые, холодные, как у чайки, глаза, то становилась похожа на провидицу. Словом, неприятная старушка.

— Вы меня не знаете, — продолжал голос, — но я видела вас в Милфорде. Вы кажетесь добрым человеком, а мне нужен адвокат. Нужен прямо сейчас, сию минуту. Единственный адвокат, с которым мы имеем дело, находится в Лондоне — в смысле, это лондонская контора, и вообще-то она не наша. Можно сказать, что она перешла к нам по наслед-

ству. Но сейчас у меня беда, и мне требуется юридическая помощь, вот я и вспомнила о вас и подумала, что вы могли бы...

— Если дело в машине... — начал Роберт.

«Беда» в Милфорде означала одно из двух: либо задержка алиментов, либо нарушение дорожно-транспортных правил. Поскольку дело касалось Марион Шарп, вероятнее всего второе. Впрочем, это не важно, так как ни тем, ни другим «Блэр, Хэйворд и Беннет» не заинтересовались бы. Он передаст ее Карли, способному пареньку на другом конце улицы, обожающему судебные дела. Ему приписывали способность вызволить дьявола из ада. («Вызволить! — воскликнул кто-то однажды вечером в пабе “Роза и корона”. — Ему и не такое по силам. Он может собрать кучу подписей в защиту старого грешника».)

— Если дело в машине...

— В машине? — переспросила она, будто сиюсья вспомнить, что это такое. — Ах, поняла. Нет. О нет, ничего такого! Дело куда более серьезное. Замешан Скотленд-Ярд.

— Скотленд-Ярд!

Для мирного провинциального адвоката и джентльмена, каковым был Роберт Блэр, Скотленд-Ярд казался не меньшей экзотикой, нежели Ксанаду, Голливуд или прыжки с парашютом. Как законопослушный гражданин, он хорошо ладил с местной полицией, чем и ограничивалась его связь с преступным миром. Его близость к Скотленд-Ярду исчерпывалась совместным времяпрепровождением на поле для гольфа с местным инспектором, доб-

рым малым, который играл очень хорошо и порой, когда дело доходило до девятнадцатой лунки, позволял себе сболтнуть немного лишнего о работе.

— Я никого не убивала, если вас это беспокоит, — торопливо сообщил голос.

— Вопрос в другом: вас подозревают в убийстве? — Что бы она ни натворила, это явно дело для Карли. Он должен передать ее Карли.

— Нет, дело вовсе не в убийстве. Меня подозревают в похищении. Или в том, что я кого-то силой удерживала, уж не знаю. Не могу объяснить по телефону. В любом случае мне прямо сейчас нужно...

— Знаете, не думаю, что вам нужен именно я, — сказал Роберт. — Я почти ничего не знаю об уголовном праве. Моя контора не занимается подобными делами. Кто вам нужен, так это...

— Я не ищу адвоката по уголовным делам. Мне нужен друг. Кто-то, кто будет стоять рядом и следить, чтобы на меня не давили. То есть подсказывать, когда мне не следует отвечать, если я этого не хочу, и тому подобное. Для этого ведь не обязательно разбираться в уголовных делах?

— Да, но контора, которая обычно взаимодействует с полицией, принесла бы вам намного больше пользы. Контора, которая...

— Вы пытаетесь сказать, что вам это не интересно, не так ли?

— Нет, конечно, нет, — поспешил заверить ее Роберт. — Я действительно думаю, что было бы разумнее...

— Знаете, каково мне сейчас? — перебила она. — Я чувствую себя так, будто тону и не могу